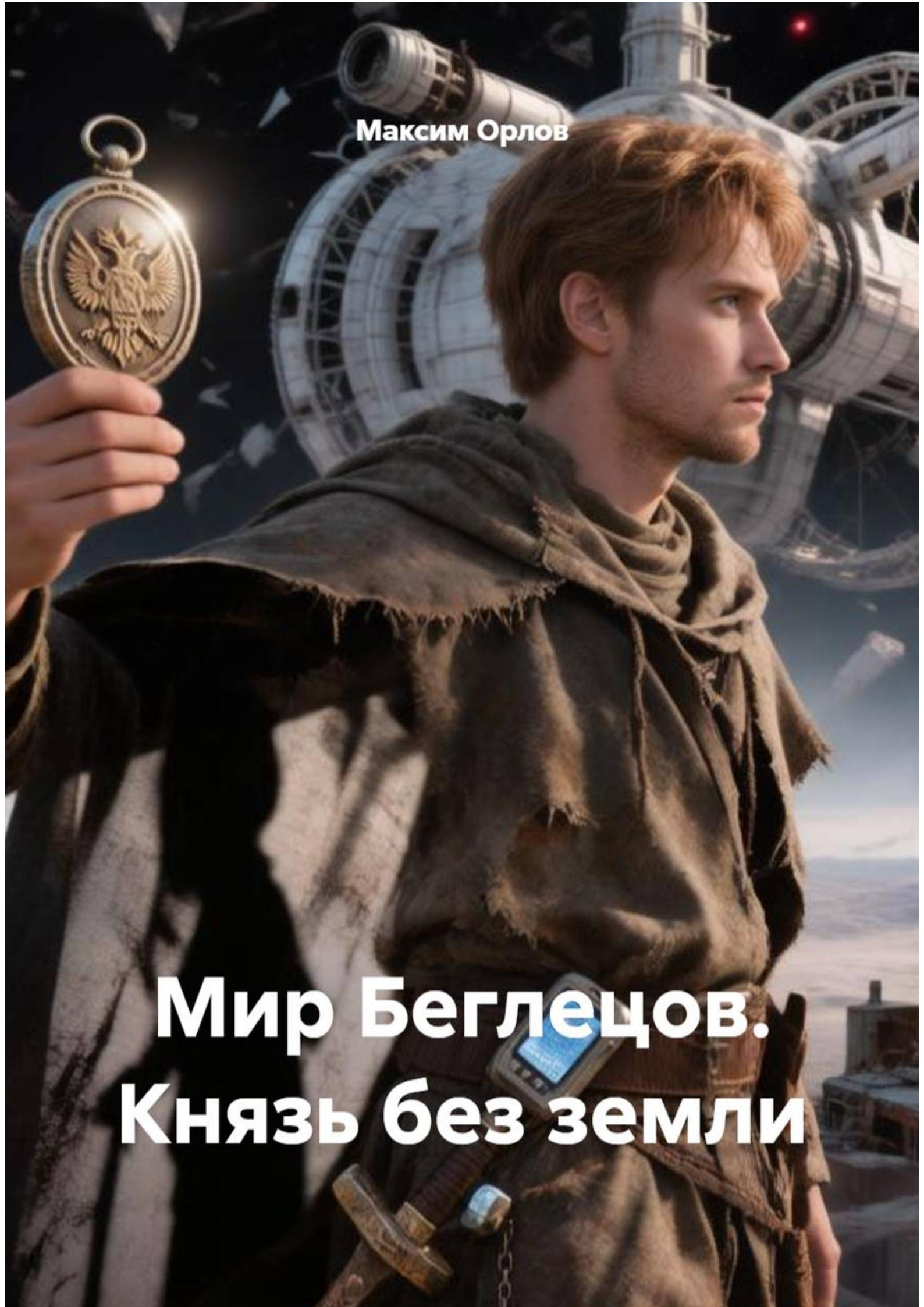

A movie poster for the Russian film 'The Runners' (Беглецы). It features actor Maxim Orlov in a rugged, post-apocalyptic setting. He is wearing a dark, tattered coat and a scarf, holding a large, ornate pocket watch in his right hand. The background shows a large, metallic, industrial structure, possibly a space station or a large building, under a dark sky. The title 'Мир Беглецов. Князь без земли' is written in large white letters at the bottom.

Максим Орлов

Мир Беглецов. Князь без земли

Максим Орлов

Мир Беглецов. Князь без земли

«Автор»

2026

Орлов М. В.

Мир Беглецов. Князь без земли / М. В. Орлов — «Автор», 2026

Семнадцать лет Илья Соколов-Вяземский считался пустым — дворянином без дара, наследником без права и живым призраком собственного рода. Но в день совершеннолетия родовую станцию «Сокол» уничтожает Имперская Канцелярия Наследий, а молчавший Родовод наконец пробуждается. Теперь Илья — Беглец I ранга, носитель запрещённого ключа и цель для тех, кто стирает с карт целые миры. Вместе с беглой техно-боярыней Варварой Громовой, раненым казаком Матвеем, кадетом вражеского дома Никитой Оболенским и язвительным сервитором Парамошей он падает на мёртвый спутник Рудный-17, где за воду платят кровью, а старые шахты помнят голоса погибших. Чтобы выжить, Илье придётся принять дуэль, запустить древнюю «Ласточку» и выйти на Тропу Беглецов — путь к Белому Китежу, миру, которого нет на имперских картах. Но беглецы не ждут спасителя. Они помнят, что Соколовы уже однажды принесли беду. Империя идёт по следу. Чтобы спасти Китеж, Илья должен выбрать: вернуть старое имя — или стать князем тех, кто стоит рядом.

© Орлов М. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог «последний сигнал станции Сокол»	5
Глава 1 Безродный на осколках	18
Глава 2 Девушка из дома Громовых	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Мир Беглецов. Князь без земли

Пролог «последний сигнал станции Сокол»

*Род гибнет не в день, когда
умирает последний наследник.*

*Род гибнет в день, когда последний наследник соглашается стать
никем..*

Из закрытых наставлений княгини Елены Соколовой-Вяземской

Станция Сокол висела над синим гигантом неподвижно и величаво, словно старинная икона, забытая среди звёзд.

Внизу, под бронированными стёклами обзорных куполов, медленно ворочалась планета — бескрайний океан газа, молний и тёмных бурь. Её облачные пояса свивались в кольца, будто кто-то невидимый тянул по небу шёлковые ленты. Оттуда, из глубины, поднималось холодное сияние, и оно ложилось на серебряные стены станции, на золочёные шпили антенн, на чёрные жерла оборонных батарей.

Сокол был не просто домом.

Он был крепостью, храмом, портом, родовым архивом и последним доказательством того, что Соколовы-Вяземские всё ещё принадлежат к великим домам Империи.

Пусть уже не первым.

Пусть уже не самым богатым.

Пусть уже с долгами, спорами о наследстве, потерянными планетарными вотчинами и слишком большим количеством родственников, которые при встрече улыбались так, будто заранее знали цену чужому падению.

Но всё же — великим.

Сегодня главный зал станции был открыт для церемонии совершеннолетия.

Высокие своды утопали в мягком золотом свете. По стенам тянулись голографические фрески: князья в кирасах, боярыни в боевых венцах, космические витязи у штурвалов первых эфирных кораблей. Между колоннами висели старые знамёна, прошитые серебряной нитью. На одном — сокол с распростёртыми крыльями. На другом — двуглавый орёл Империи. Третье было завернуто в чёрный бархат. Илья никогда не видел, что на нём изображено.

Спрашивать было запрещено.

А в их доме всё запрещённое обычно оказывалось самым важным.

Илья Соколов-Вяземский стоял у входа в зал и старался не поправлять воротник мундира. Воротник душил. Мундир был новый, тяжёлый, с серебряным шитьём и слишком узкими рукавами. Его сшили специально к церемонии, будто ткань могла сделать то, чего не смогла кровь.

Признать его наследником.

Позвать Родовод.

Открыть путь.

Илье исполнилось семнадцать.

По имперскому закону дворянин в этот день проходил Явление Родовода. Родовая система проверяла кровь, заслуги предков, право на титул, доступ к навыкам и будущий путь. У одних вспыхивал боевой класс. У других — административный. У третьих — техномантский, духовный, дипломатический, командный.

У Ильи не вспыхивало ничего.

Никогда.

С детства его называли тихим. Потом — поздним. Потом — непробуждённым. Потом родственники стали говорить мягче, осторожнее, с той особенной жалостью, от которой хотелось ударить кого-нибудь фарфоровой чашкой.

Пустой.

При нём этого слова почти не произносили.

Почти.

У левого плеча Ильи тихо щёлкнуло. Малый механический сокол, сидевший на специальной перчатке, повернул металлическую голову. Его глаза-линзы мигнули янтарным.

Сервитор был размером с крупного ворона, покрыт пластинами матового серебра и украшен родовой эмалью. На церемониях такие устройства изображали древних птиц-покровителей дома. Обычно они молчали, красиво раскрывали крылья и подносили перстни.

Этот — не молчал.

Потому что когда-то Илья нашёл его в заброшенной мастерской, самовольно активировал и неудачно привязал к личному биоритму.

С тех пор сервитор считал себя не имуществом, а старшим товарищем.

— Сердцебиение учащено, — тихо сообщил сокол. — Потливость ладоней повышена. Выражение лица героически обречённое. Рекомендую либо упасть в обморок заранее, либо держаться до десерта.

— Парамоша, молчи, — одними губами сказал Илья.

— Исполняю. Перехожу в режим торжественного презрения.

Механический сокол вытянул шею и действительно принял настолько надменный вид, что проходившая мимо тётка Аграфена одобрительно кивнула, решив, видимо, что птица воспитана лучше хозяина.

Илья едва не улыбнулся.

Потом увидел отца — и улыбка пропала.

Князь Андрей Соколов-Вяземский стоял у родового алтаря. Высокий, седой у висков, в парадном мундире без лишних украшений. Большинство дворян на церемонии обвешались бы орденами так, чтобы при каждом шаге звенеть славой предков. Отец носил только один знак — старый перстень с чёрным соколом.

Сегодня он выглядел спокойным.

Слишком спокойным.

Илья хорошо знал это выражение. Так отец смотрел не перед семейными праздниками, а перед трудными решениями. Перед дуэлями. Перед заседаниями Совета домов. Перед тем, как сообщить сыну очередную неприятную правду.

У алтаря уже ждали родственники. Дальняя родня, ближняя родня, полезная родня, вредная родня и те, кто появлялся только на похоронах или при разделе имущества. Дамы в тяжёлых платьях, мужчины в мундирах, молодые кузены с открытыми интерфейсами и самодовольными лицами.

В центре зала возвышалась плита Родовода.

На первый взгляд — белый камень с золотыми прожилками. На деле — древний интерфейсный узел, связанный с архивами крови, клятвами рода и имперским реестром. Он помнил всех Соколовых-Вяземских, кто рождался, служил, предавал, побеждал, умирал и оставлял после себя хотя бы строчку в закрытой летописи.

Сегодня плита должна была решить, есть ли в Илье хоть что-нибудь.

Отец поднял руку.

Шёпот стих.

Где-то далеко, за стенами зала, глухо пели реакторы. Сквозь бронестёкла пробивался синий свет планеты. Над алтарём развернулась голограмма родового древа: тысячи имён, связанных золотыми нитями.

Илья сделал первый шаг.

Парамоша на его перчатке тихонько переступил когтями.

— Если система откажет, предлагаю запасной план, — прошептал он.

— Какой?

— Объявить всех присутствующих недостаточно благородными для вашего пробуждения.

— Это не план.

— Зато стиль.

Илья медленно прошёл между рядами.

Перед ним, как перед заразным, незаметно расступались. Не широко, не грубо — слишком хорошо воспитаны были эти люди, чтобы показать отвращение открыто. Но ткань платьев отодвигалась на ладонь дальше, чем требовал этикет. Молодой камер-юнкер, стоявший у колонны, поспешно убрал с прохода церемониальный посох, будто боялся, что Илья заденет его краем рукава.

Один из младших кузенов, белокурый Митя, едва Илья миновал его, машинально провёл пальцами по нагрудному знаку Родовода — старый жест защиты от скверны бездарности.

Мальчишка тут же понял, что сделал, покраснел и опустил глаза.

Но было поздно.

Илья заметил.

Заметил и то, как распорядитель церемонии, сухой старик в серебряной ливрее, дождался, пока он сделает ещё несколько шагов, а затем почти незаметно протёр белым платком участок пола, где только что коснулся наконечник его посоха.

Не потому, что Илья был грязен.

Потому что по имперскому обычаю человек без Родовода считался неполным в праве. Не мёртвым — нет, конечно. В Империи не любили грубых формулировок.

Просто его имя не имело веса. Его клятва не имела силы. Его кровь не могла наследовать. Его прикосновение к алтарным предметам требовало очищения.

Он был живым телом при юридически пустом месте.

Призраком, которому позволили носить фамилию.

Отец встретил его у плиты.

— Готов? — спросил князь Андрей.

Это был простой вопрос. Но в голосе отца прозвучало что-то такое, от чего Илья внезапно понял: церемония не будет обычной.

— Нет, — честно ответил он.

В уголках глаз отца мелькнула улыбка.

— Хорошо. Значит, понимаешь важность момента.

— Я думал, готовность тоже иногда помогает.

— Переоценённое качество.

Отец взял его правую руку и положил на плиту Родовода.

Камень оказался холодным.

Не просто холодным — мёртвым. Как металл в открытом космосе. Илья почувствовал, как этот холод пробежал по пальцам, поднялся к запястью, коснулся сердца. В зале вспыхнули тонкие линии света. Родовое древо над алтарём дрогнуло, будто его тронул невидимый ветер.

Плита заговорила.

Голос был безжизненный, женский, имперски-ровный.

Проверка наследника. Дом: Соколовы-Вяземские. Линия: младшая. Объект: Илья Андреевич Соколов-Вяземский. Возраст: семнадцать лет. Статус крови: подтверждён. Доступ к Родоводу...

Пауза растянулась.

Илья успел услышать, как кто-то в третьем ряду задержал дыхание. Как скрипнула ткань платья. Как Парамоша перестал шевелиться на перчатке.

Доступ отсутствует.

Слова упали в зал ровно и чисто.

И всё же ударили сильнее пощёчины.

На лицах родственников появилась одинаковая вежливая скорбь. Та самая, заранее приготовленная. Несколько пожилых тёток синхронно опустили глаза. Один из кузенов поспешно спрятал улыбку. Неудачно.

Отец не отвёл взгляда от плиты.

Илья убрал руку. Пальцы слегка дрожали, и он сжал их в кулак.

Всё произошло именно так, как все ожидали.

И от этого было почему-то хуже.

Княгиня Аграфена, двоюродная тётка отца, выступила на полшага вперёд.

— Не скорби, дитя. Не каждому дано нести меч рода. Иногда смирение — тоже служение.

Илья посмотрел на неё.

В голове возникло несколько ответов. Большинство нарушало как минимум три правила приличия и одно малое постановление Синода о поведении дворян в храмовых залах.

Но первым успел Парамоша.

Сервитор расправил крылья и тихо, почти ласково произнёс:

— Фиксирую редкий случай: утешение нанесло больше урона, чем оскорбление.

Илья закашлялся, скрывая смех.

Тётка Аграфена нахмурилась.

Отец медленно повернул голову к механическому соколу.

— Илья.

— Да, батюшка?

— Твой сервитор опять думает вслух.

— Он утверждает, что это диагностическая функция.

— Он утверждает многое, — сказал князь Андрей. — В том числе, что семейный врач некомпетентен, потому что отказывается смазывать суставы пациентам.

— Суставы скрипят у всех, — заметил Парамоша. — Просто не все готовы признать правду.

В зале прошёл нервный смех. Напряжение на мгновение ослабло.

И именно в этот миг Сокол дрогнул.

Сначала едва заметно.

Так, будто где-то далеко закрылась тяжёлая дверь.

Потом сильнее.

По боковым фрескам пробежала рябь. Одна из голограмм погасла. Золотой силуэт князя-предка рассыпался в воздухе сотней искр.

Люди в зале подняли головы.

Под потолком вспыхнула алая линия тревоги.

Плита Родовода изменила голос.

Внимание. Несанкционированный доступ к внешнему контуру защиты. Внимание. Родовые щиты переведены в режим ожидания. Внимание. Внутренний ключ подтверждён.

На этот раз в зале не было шёпота.

Только тишина.

Такая тишина бывает перед выстрелом.

В этот миг Илья снова увидел Митю.

Того самого младшего кузена, что ещё недавно машинально оберегался от его пустоты.

Все вокруг метались, хватались за оружие, звали детей, требовали связи с доками. Митя же стоял у боковой колонны совершенно неподвижно. Слишком прямо. Слишком спокойно. Его лицо было бледным, но не испуганным. Скорее сосредоточенным — как у кадета на зачёте, который выполнил трудное упражнение и теперь ждёт оценки наставника.

Когда одна из фресок над ним дрогнула и рассыпалась золотой пылью, он даже не поднял руки, чтобы прикрыться. Только посмотрел на алтарь Родовода пустым служебным взглядом.

Илья не успел понять, что именно его задело.

Отец убрал руку с эфеса церемониальной сабли. Илья только сейчас заметил, что под парадным плащом у князя Андрея был боевой клинок. Не украшенный, не выставочный — настоящий.

— Всем оставаться на местах, — сказал отец.

Но голос станции уже перекрыл его.

Внешний объект вышел из эфирного хода. Класс: тяжёлый крейсер. Оповеститель: Имперская Канцелярия Наследий. Статус запроса: отсутствует.

За обзорными окнами вспыхнул свет.

Из темноты над синим гигантом вышел корабль.

Он был огромен. Чёрный корпус, вытянутый, как лезвие. На бортах — золото имперского герба. По нижним палубам проходили холодные огни батарей. Крейсер не спешил, не манев-

рировал, не просил разрешения на стыковку. Он просто приближался, как приговор, которому не нужны объяснения.

Илья почувствовал, как холод Родовода возвращается в пальцы.

— Батюшка, — тихо сказал он. — Это часть церемонии?

— Нет.

Одно слово.

И в этом слове было больше страха, чем в крике.

В дальнем конце зала открылись боковые двери. Вбежал капитан родовой стражи, без шлема, с рассечённой бровью. За ним — двое гвардейцев. Один держался за бок, и между пальцами у него темнела кровь.

— Ваше сиятельство! Щиты сняты внутренним протоколом. Связь с третьим кольцом потеряна. В доках бой.

Родственники заговорили разом. Кто-то требовал объяснений. Кто-то звал детей. Кто-то пытался активировать личную защиту, но интерфейсы мигали красным: станция блокировала дворянские каналы, один за другим.

Парамоша на плече Ильи замер.

— Рекомендую изменить статус мероприятия, — сказал он. — С церемония на катастрофа с элементами родового позора.

— Молчать, — прошептал Илья.

— Согласен. Позор пока предварительный.

Отец резко повернулся к нему.

Илья впервые увидел, что спокойствие князя Андрея было не уверенностью. Это была броня. Очень тонкая, уже треснувшая.

Князь снял с пальца перстень с чёрным соколом.

В зале кто-то ахнул.

Такой перстень не снимали прилюдно.

Его передавали старшему наследнику после смерти главы дома. Иногда — в час отречения. Иногда клали в гроб, если род предпочитал умереть, но не нарушить порядок крови.

Передать его младшему пустому сыну, живому призраку без права и голоса, значило сделать невозможное: перечеркнуть старшую линию прямо здесь, при свидетелях, и признать наследником того, кого сам Родовод только что объявил никем.

Отец взял руку Ильи и вложил перстень ему в ладонь.

Металл оказался тёплым.

Живым.

— Слушай внимательно, — сказал князь Андрей. — Времени нет.

— Что происходит?

— За нами пришли.

— За родом?

Отец посмотрел ему прямо в глаза.

— За тобой.

Илья не сразу понял смысл слов. Они не укладывались в голову. За ним не могли прийти. Он был пустым. Ошибкой. Тенью настоящих наследников. Родственником, которого терпят из вежливости и крови.

— Это невозможно.

— Именно поэтому ты дожил до этого дня.

Пол под ногами вздрогнул. Где-то внизу прогремел взрыв. Свет на мгновение погас, затем вернулся красным аварийным сиянием. Фрески предков теперь казались не торжественными, а тревожными: мёртвые князья смотрели со стен, будто знали, что должно случиться.

— Ты не пустой, Илья, — сказал отец. — Тебя закрыли.

Воздух будто исчез.

— Кто?

Князь Андрей сжал его плечо.

— Мы.

Это было хуже любого обвинения.

Все годы. Все взгляды. Все улыбки кузенов. Все тихие слова за спиной. Все учителя, которые говорили: Попробуем ещё раз. Все церемонии, на которых другие получали классы, навыки, титулы, а он стоял рядом и делал вид, что ему всё равно.

— Зачем? — спросил Илья.

Голос прозвучал чужим.

Отец ответил не сразу.

Вместо этого он посмотрел на Парамошу.

— Протокол хранения активен?

Механический сокол вытянулся.

— Частично. Память повреждена. Достоинство сохранено. Самооценка выше среднего.

— Сможешь сопровождать его?

— Сопровождать, раздражать, комментировать ошибки. Полный набор.

— Хорошо.

— Батюшка, — Илья сделал шаг ближе. — Зачем вы закрыли мой Родовод?

Отец выдохнул.

И в этот миг Илья увидел не главу дома, не князя, не человека, способного спорить с имперскими министрами и не опускать глаз перед боярами великих линий. Он увидел усталого отца, который много лет носил тайну и знал, что однажды она убьёт слишком многих.

— Чтобы тебя не нашли раньше.

Двери зала начали закрываться броневыми створками. Автоматические системы просыпались поздно, слишком поздно. Родовая стража строилась у входа. Несколько молодых дворян наконец выхватили оружие. Кто-то молился. Кто-то плакал беззвучно.

Из главного коридора донёсся металлический грохот.

Потом — первый выстрел.

Звук прошёл по залу, как трещина по стеклу.

Капитан стражи поднял клинок.

— Контакт!

Ворота взорвались внутрь.

Осколки бронзы и камня пронеслись по залу. Защитное поле у алтаря вспыхнуло, принимая удар на себя. Люди закричали. Одна из колонн треснула. Плита Родовода залилась алым светом.

Через дым вошли солдаты в белых масках.

Их броня была гладкой, без знаков личного дома. Только имперский орёл на груди и тонкий символ Канцелярии Наследий у горла: раскрытая книга, пронзённая мечом.

Во главе шёл человек в длинном чёрном плаще поверх боевого панциря. Его лицо скрывала фарфоровая маска без рта. Только глаза — холодные, серые, живые.

Он остановился у разрушенного входа.

Голос его усилили динамики брони.

— Князь Андрей Соколов-Вяземский. Именем Имперской Канцелярии Наследий ваш род обвиняется в сокрытии запрещённого протокола, нарушении реестра крови и связи с мирами-беглецами.

В зале кто-то вскрикнул.

Миры-беглецы.

Слова из сказок, из страшных историй, из запрещённых книг. Миры, которых нет на картах. Колонии изменников. Убежища еретиков. Легенды для детей, чтобы те не доверяли незнакомым кораблям.

Отец Ильи улыбнулся.

Странно.

Почти весело.

— Как приятно, — сказал он, — когда старые друзья помнят все мои преступления. Кроме тех, что совершили сами.

Человек в маске не шелохнулся.

— Вы отказываетесь подчиниться?

— Я пока только оцениваю качество обвинения.

— Последний шанс, князь. Передайте ключ, и младшая линия может быть сохранена.

Отец чуть повернул голову к Илье.

В этом коротком движении было всё: приказ, прощание, просьба о прощении.

— Беги, — сказал он тихо.

— Нет.

— Это не просьба.

— Я не оставляю вас.

— Оставишь.

Отец ударил ладонью по перстню в руке Ильи.

Металл вспыхнул.

Илья успел только вдохнуть — и перстень впился в палец так глубоко, словно решил прорасти сквозь кожу до самой кости. Боль ударила не снаружи, а изнутри.

Будто в его венах годами лежали тонкие ледяные нити, а теперь кто-то одним рывком начал вытягивать их через сердце, позвоночник, горло, глаза.

На миг эти нити стали видны сквозь кожу: тончайшие золотые капилляры вспыхнули под запястьями, поднялись по шее, мелькнули у висков — и начали рваться один за другим, оставляя после себя жгучие пустоты.

Он согнулся, но не упал.

В ушах лопнул звон. Перед лицом вспыхнули золотые строки. Они не просто возникли в воздухе — они выжигались прямо в зрении, в памяти, в крови.

Что-то древнее, чужое, насильно вшитое в него с детства, треснуло.

Не снялось.

Сорвалось с мясом.

Аварийный протокол активирован. Носитель подтверждён. Печать Родовода снята частично. Статус: наследник под запретом. Титул: Беглец I ранга. Навык открыт: Слепая орбита. Сопровождающий модуль обнаружен. Сервитор Парамоша: привязка подтверждена. Главная задача: выжить.

Илья попытался закричать, но вместо крика из горла вышел только хрип. На языке появился вкус железа и морозной пыли.

Он понял вдруг с пугающей ясностью: все эти годы внутри него не было пустоты.

Там стояла печать.

И теперь она умирала.

Вокруг отца вспыхнул золотой силуэт сокола — огромный, крылатый, с глазами цвета раскалённого металла. Родовой дар, настоящий, древний, страшный.

Князь Андрей выхватил саблю.

И зал сорвался в бой.

Родовая стража ударила первой. Гвардейцы Соколовых-Вяземских были меньше числом, хуже защищены, застигнуты врасплох, но они дрались у алтаря своего дома. А такие люди отступают только мёртвыми.

Белые маски Канцелярии двигались молча, точно и страшно. Их клинки резали защитные поля. Их винтовки били короткими синими вспышками. Каждый их шаг был рассчитан. Они не грабили, не метались, не искали заложников.

Они шли к Илье.

Парамоша взлетел с его руки и ударил крыльями по лицу ближайшего солдата. Тот отшатнулся скорее от неожиданности, чем от урона.

— Тактический успех! — сообщил сервитор. — Враг унижен, но почти не повреждён!

Отец схватил Илью за плечо и толкнул к боковой стене. Там, где раньше висела фреска с изображением княгини Елены, уже открывался узкий аварийный проход.

— Капсула третьего кольца. Парамоша знает маршрут.

— Батюшка!

— К тем, кого нет на картах, — сказал отец. — Найди Белый Китеж.

Илья замер.

— Китеж существует?

— Теперь уже обязан.

Парамоша вдруг дёрнулся на его перчатке. Неуклюже, почти судорожно. В его груди щёлкнул скрытый замок, о существовании которого Илья не знал. Одна из серебряных пластин на корпусе сервитора отъехала в сторону, обнажив крохотный кристалл памяти в оправе из потемневшего золота.

— Протестую против вскрытия личности без согласия владельца, — сказал Парамоша странно ровным голосом. — Но обстоятельства хамские.

Он вырвал кристалл собственным клювом. На мгновение его янтарные глаза погасли, потом вспыхнули снова — слабее, с мерцанием.

Сервитор сунул кристалл в нагрудный карман Ильи и защёлкнул ткань когтем.

— Что это? — выдохнул Илья.

— Плохая идея в материальной форме. Беречь, не глотать, не отдавать инквизиторам.

Отец резко кивнул.

— Это часть карты. И часть его памяти. Без неё Тропа тебя не услышит.

Человек в фарфоровой маске поднял руку. Над его ладонью вспыхнул знак Канцелярии — белый круг, перечёркнутый золотой линией.

Приказ Наследий: изъять ключ. Соппротивление рода: подавить. Свидетелей: обнулить.

Парамоша резко дёрнул Илью за воротник когтями.

— Предлагаю обсудить семейные тайны после эвакуации. У меня в расписании сейчас паническое бегство.

Илья побежал.

Коридор за фреской был узким, техническим, пах озоном, пылью и старой смазкой. Красные лампы били по глазам. Под ногами дрожал металл. Где-то рядом взрывались переборки, и станция стонала всем корпусом — низко, протяжно, как живое существо.

В стеновых экранах мелькали сообщения:

Потеря сектора А-3. Разгерметизация дока. Пожар в архивном крыле. Родовая связь нарушена. Внутренний ключ активен.

Последняя строка обожгла сильнее остальных.

Внутренний ключ.

Значит, кто-то из своих открыл щиты.

Илья бежал, но каждые несколько шагов хотел повернуть назад. Там был отец. Там был дом. Там оставались люди, которые смотрели на него с жалостью, раздражением, равнодушием — но всё равно были его кровью. Там рушилось всё, что он знал.

Парамоша летел впереди, подсвечивая путь янтарными глазами.

— Налево, — сказал он. — Теперь прямо. Теперь пригнуться. Если не пригнётесь, причёска станет короче.

Илья пригнулся за мгновение до того, как над головой пронеслась сорванная давлением труба.

— Ты знал? — выдохнул он.

— Что труба попытается вас обезглавить? Предполагал.

— Про меня. Про Родовод. Про ключ.

Сервитор молчал почти две секунды.

Для Парамоши это было много.

— Мои архивы повреждены.

— Это не ответ.

— Это безопасный ответ.

За спиной ударила взрывная волна. Илью бросило на стену. Перед глазами вспыхнули искры. Где-то сверху посыпались осколки. Парамоша врезался в трубу, отлетел, встряхнулся и обиженно щёлкнул клювом.

— Записываю: гравитация ведёт себя не по-дворянски.

Илья заставил себя подняться.

Впереди аварийный проход выходил к малому шлюзу. За прозрачной створкой виднелась спасательная капсула — старая, круглобокая, с облупившейся эмалью и родовым знаком на борту. Такие капсулы предназначались для слуг, техников или младших членов семьи. В обычные дни никто из князей даже не смотрел в их сторону.

Сегодня она казалась самым прекрасным кораблём во вселенной.

Возле шлюза уже были люди.

Девушка в обгоревшем дорожном платье пыталась вскрыть панель управления. Медные браслеты на её руках светились, вокруг летали два маленьких ремонтных дрона. Один дымился.

Рядом, прислонившись к стене, сидел старый казак в потёртом мундире. Он зажимал ладонью рану на боку и смотрел на происходящее с таким видом, будто это была не гибель станции, а крайне неудачная ярмарка.

Третий — юноша в форме кадетского корпуса Оболенских — держал пистолет, но рука у него дрожала. На его рукаве был герб дома, который Илья ещё недавно видел среди нападавших.

Илья остановился.

Кадет тоже увидел его.

Мгновение они смотрели друг на друга.

Потом казак хрипло сказал:

— Если вы сейчас начнёте выяснять родословные, я лично умру от скуки. А хотелось бы от чего-нибудь более героического.

Девушка даже не обернулась.

— Кто-нибудь умеет запускать эту древность?

Парамоша приземлился на панель шлюза.

— Я умею. Но предупреждаю: капсула старая, обслуживание просрочено, шанс комфортного выживания оскорбительно низок.

— А некомфортного? — спросил Илья.

— Уже лучше.

Станция снова вздрогнула. В коридоре позади показались белые огни фонарей. Преследователи.

Илья шагнул к панели. Перстень на его пальце сам повернулся, будто встал в нужное положение. Замок шлюза узнал его раньше, чем он успел понять, что делает.

Аварийный доступ принят. Наследник подтверждён. Запуск капсулы.

Дверь раскрылась.

Все четверо бросились внутрь.

Капсула была тесной, пахла холодным металлом, пылью и старым пластиком. Варвара упала к панели управления. Казак рухнул в кресло и тут же начал пристёгиваться одной рукой. Кадет Оболенский сел напротив Ильи, всё ещё сжимая пистолет.

Илья посмотрел на оружие.

— Если собираешься стрелять, делай это до старта. Потом будет тесно и невежливо.

Кадет сглотнул.

— Я не знал, что будет нападение.

— Конечно.

— Правда не знал.

— Тогда поздравляю. Ты участвовал в государственной измене без подготовки.

Кадет побледнел ещё сильнее.

Он посмотрел не на пистолет, не на аварийный люк и даже не на горящую станцию за стеклом. Его взгляд метнулся к Варваре — к медным браслетам Громовых, к знакам великого дома, которые невозможно было спрятать даже под копотью и кровью.

Илья понял: Оболенский испугался не тюрьмы. Не Канцелярии. Не даже смерти.

Он испугался того, что выжил рядом с опальным Соколовым, дочерью Громовых и беглым казаком.

Если его род узнает, то убьёт раньше, чем Империя успеет назначить дознавателя.

Капсула взревела.

Внутри станции ещё был звук: рёв сирен, стон переборок, далёкие удары взрывов, глухой металлический плач умирающего дома. Даже воздух казался полным шума — горячего, тяжёлого, человеческого.

Потом крепления отстрелились.

Мир дёрнулся.

И звук исчез.

Не стал тише — пропал совсем. За иллюминатором раскрылась чёрная пустота, и вместе с ней пришла такая тишина, что Илья впервые услышал собственное дыхание. Хриплое. Нервное. Чужое.

Услышал, как скрипит ремень на груди казака.

Как стучат зубы у кадета Оболенского.

Как Варвара шепчет что-то беззвучно, то ли молитву, то ли инженерное ругательство.

Снаружи горела станция, но космос не давал её гибели голоса.

Сокол умирал молча.

На мгновение за иллюминатором возник родовой дом.

По серебряным башням бежали разломы. Один из куполов раскрылся наружу облаком обломков и воздуха. У доков вспыхивали выстрелы. Чёрный крейсер Канцелярии висел рядом, похожий на нож у горла. От станции отделялись другие спасательные капсулы — некоторые успевали уйти, некоторые исчезали в огне.

Илья прижал ладонь к стеклу.

Он не знал, где отец.

Но в последнем отсвете взрыва ему показалось, что над главным залом ещё раз вспыхнул золотой сокол.

Огромный.

Яростный.

Живой.

А потом центральный шпиль станции переломился.

Сигнал родового канала оборвался.

Внутри головы Ильи снова прозвучал голос Родовода:

Домовой контур утрачен.

Глава рода: статус неизвестен.

Наследник: эвакуирован.

Режим скрытия активирован.

Статус: изгнанник.

Ошибка протокола: уровень кортизола носителя критический.

Эмоциональный фильтр отключён.

Главная задача: выжить.

Дополнительная задача: найти Белый Китеж.

Предупреждение: навык Слепая орбита нестабилен.

Причина: неполное снятие печати и стрессовый разрыв родового канала.

Илья закрыл глаза.

В груди было пусто.

Не так, как раньше, когда его называли пустым другие. Теперь пустота была настоящей — огромной, звёздной, холодной. В ней исчез дом. Отец. Прошлая жизнь. Даже обида, к которой он привык, показалась чем-то детским и далёким.

Парамоша тихо щёлкнул ключом.

— Хотите утешительную фразу?

Илья не открыл глаз.

— Нет.

— Правильно. У меня всё равно плохая.

Капсулу резко повело вниз.

На обзорном стекле вспыхнул контур ближайшего спутника — тёмного, рябого, испещрённого кратерами и ржавыми кольцами старых шахт. Атмосферы там почти не должно было быть, но вокруг поверхности тянулась грязно-жёлтая дымка: следы старых переработок, выхлопы нелегальных куполов или что-то хуже.

Капсулу затрясло. Красные лампы слились в сплошное кровавое марево. Варвара вцепилась в панель. Казак выругался так коротко и выразительно, что даже Парамоша уважительно промолчал.

Интерфейс Родовода перед глазами Ильи дрогнул. Строки поплыли

На долю секунды вместо аварийных сообщений раскрылась старая карта звёздных путей — не имперская, не современная.

Чёрная ткань пространства, золотые нити маршрутов и один сектор, перечёркнутый крест-накрест рунической вязью запрета.

Рудный-17.

Мёртвый промышленный спутник.

Исключён из реестра.

Забит официально.

Населён фактически.

Затем карта схлопнулась, и Родовод выдал последнее предупреждение:

Пункт падения совпадает с координатами Слепой орбиты.

Уровень угрозы: мародёры, ссыльные Техноманты, остаточная эфирная чума. Имперская юрисдикция: нестабильна. Состояние носителя: неудовлетворительное. Вероятность выживания: неприлично низкая. Добро пожаловать домой, Беглец I ранга.

Илья открыл глаза.

— Парамоша.

— Да?

— Система только что назвала это домом?

Сервитор помолчал. Его левый глаз всё ещё мерцал после вырванного кристалла памяти.

— Предлагаю считать, что у неё тяжёлое детство и плохое чувство юмора.

Потом капсула вошла в верхние слои грязной атмосферы Рудного-17, и всё вокруг стало огнём.

Глава 1 Безродный на осколках

*Кто упал с неба, тот либо
святой, либо проблема.*

В обоих случаях сначала проверь карманы.

Пословица Рудного-17

Огонь был везде.

Он ревел за стеклом, лизал броню капсулы, бился о корпус снаружи, как живой зверь. Красные лампы внутри мигали всё быстрее, пока не слились в одну кровавую пульсацию. Пол дрожал. Стены стонали. Где-то за спиной Ильи что-то трещало, искрило и пахло палёной изоляцией.

Потом капсулу перевернуло.

Мир ушёл вниз, вверх, снова вниз. Ремни впились Илье в грудь. Кто-то вскрикнул. Кто-то выругался. Пистолет кадета Оболенского ударился о потолок и с металлическим звоном улетел под кресло.

— Держитесь! — крикнула Варвара.

Её голос едва пробился сквозь вой атмосферы.

Она висела над панелью управления, удерживаясь одной рукой за поручень, другой — судорожно перебирая светящиеся знаки на медном браслете. Один из её дронов бился о стенку, как перепуганная стрекоза. Второй уже не летал: дымился в углу и изредка дёргал лапками.

Казак, пристёгнутый напротив, зажимал рану на боку и смотрел на всё это с тяжёлым, почти философским раздражением.

— Девушка, — прохрипел он, — если вы умеете сажать капсулы мягче, самое время хвататься.

— Я не пилот!

— Плохо.

— Я техномант!

— Сейчас это звучит как умирать будем красиво.

Парамоша висел вниз головой в потолочном разёме. Его когти были намертво вцеплены в обшивку, крылья прижаты к корпусу, левый янтарный глаз мерцал с перебоями после вырванного кристалла памяти. Вид у сервитора был оскорблённый и героический одновременно.

— Автопосадка отсутствует, — сообщил он. — Тормозные сопла повреждены. Стабилизатор правого борта находится в состоянии, которое технически можно описать как убежал.

Илья с трудом вдохнул.

После снятия печати тело не слушалось. Внутри всё болело: кости, мышцы, глаза, даже мысли. Казалось, под кожей остались оборванные золотые нити, и при каждом рывке капсулы они снова цеплялись за живое.

Перед глазами дрожал интерфейс Родовода.

Состояние носителя: критическое. Нервная система: перегрузка. Навык Слепая орбита: нестабилен. Рекомендация: избегать боя, бега, стресса, падения с орбиты.

Илья хрипло рассмеялся.

— Спасибо. Очень своевременно.

— Что? — спросил кадет.

Он был бледен до синевы. На лбу кровь, губы сжаты, глаза бегают от Варвары к Илье, от Ильи к иллюминатору, за которым уже не было звёзд — только грязно-жёлтое пламя входа в атмосферу.

— Система советует избегать падения с орбиты.

Казак кашлянул.

— Разумная система. Жалко, поздно познакомились.

Капсулу снова ударило.

На этот раз снизу.

Так, будто Рудный-17 решил не ждать посадки и сам поднялся навстречу.

Варвара успела выкрикнуть что-то резкое, неприличное и, судя по интонации, профессиональное. Медные браслеты на её руках вспыхнули. Панель ответила скрежетом. Где-то снаружи выстрелили аварийные сопла. Капсулу резко повело боком.

Парамоша щёлкнул клювом.

— Уточняя прогноз: комфортное выживание невозможно. Некомфортное — обсуждаемо.

— Делай что-нибудь! — рявкнул Илья.

— Делаю. Мысленно осуждаю инженеров.

— Парамоша!

— И перенаправляю питание на нижние амортизаторы. Но осуждение тоже важно.

Затем мир взорвался.

Не светом — ударом.

Капсула врезалась во что-то твёрдое, отскочила, пропахала корпусом камень, снова подпрыгнула, сорвала себе боковую обшивку и покатила вниз по склону. Металл визжал. Стекло покрылось паутиной трещин. Ремни держали, но казалось, ещё секунда — и они разрежут Илью пополам.

Последний удар был самым глухим.

Капсула остановилась.

Сначала Илья не понял, жив ли он.

Всё было тихо.

Не космически тихо, как после отстрела от станции, а иначе: тяжело, пыльно, сдавленно. Где-то капала жидкость. Где-то потрескивал огонь. Вентилятор над головой пытался вращаться, но каждый оборот давался ему с таким скрипом, будто он умирал из принципа.

Илья открыл глаза.

Мир лежал боком.

Потом понял: это не мир. Это он сам висит на ремнях, а капсула лежит на боку.

— Все живы? — спросила Варвара.

Она отстегнулась первой и тут же рухнула на стену, которая теперь была полом.

Казак поднял руку.

— По предварительным ощущениям, да. Но окончательный ответ дам после разговора с внутренними органами.

Кадет Оболенский молчал.

Илья повернул голову. Кадет висел в кресле, глаза закрыты, кровь на виске. Пистолета при нём не было.

— Эй, Оболенский.

Тот не ответил.

Варвара подползла к нему, приложила пальцы к шее.

— Жив. Просто отключился.

— Завидую, — сказал казак.

Парамоша отцепился от потолка, упал вниз, ударился о пол, пару секунд лежал неподвижно, затем поднял голову.

— Посадка завершена. Благодарим за выбор родовой спасательной капсулы дома Соколовых-Вяземских. Если вы недовольны качеством услуги, можете подать жалобу в архивный отдел.

Илья медленно повернул к нему голову.

— Архивный отдел сгорел.

— Тем более жалоба будет рассмотрена быстро.

Варвара нашла аварийный рычаг. Дверь капсулы не открылась. Она дёрнула ещё раз. Без результата.

— Заклинило.

Казак выдохнул, отстегнул ремни и тяжело сполз вниз. Теперь было видно, что он старше, чем показалось в коридоре станции: седина в бороде, глубокие морщины у глаз, старая казачья серьга в левом ухе. Но двигался он собранно, без лишних жестов, как человек, давно привыкший болеть потом.

— Дайте-ка.

Он упёрся плечом в дверь. Варвара помогла, включив один уцелевший дрон. Илья тоже попытался подняться, но ноги подогнулись. Тело сразу напомнило: оно только что пережило родовую печать, орбитальное бегство и падение.

Состояние носителя: неудовлетворительное. Рекомендация: лежать.

— Замолчи, — прошептал Илья.

— Это мне? — спросила Варвара.

— Нет. Себе.

— Понимаю. После таких посадок с собой лучше не спорить, можно проиграть.

Дверь наконец поддалась.

Внутри ворвался воздух Рудного-17.

Он был холодным, сухим и горьким. Пах ржавчиной, пеплом, кислой пылью и старым горелым металлом. Не воздух даже — остаток воздуха, пережёванный фильтрами, шахтами, заводами и заброшенными куполами. Илья вдохнул и закашлялся так, будто в лёгкие насыпали толчёного стекла.

Снаружи было серо.

Не ночь и не день. Над горизонтом висел огромный синий гигант, занимая треть неба. Его свет проходил через грязно-жёлтую дымку атмосферы, превращая всё вокруг в мутный сумрак. Скалы торчали из пыли, как рёбра мёртвого зверя. Между ними тянулись ржавые фермы, обломки шахтёрских вышек, провисшие кабели, обугленные рельсы старой транспортной линии.

Далеко, в низине, мерцали огни.

Не звёзды.

Поселение.

Илья выбрался наружу последним. Колени дрожали. На пальце пульсировал перстень. Карман, куда Парамоша сунул кристалл памяти, был горячим, словно там лежал уголёк.

Капсула лежала в неглубокой воронке, оставив за собой длинную борозду по склону. Часть корпуса почернела. Родовой знак на борту — сокол с распростёртыми крыльями — был перечёркнут трещиной.

Илья смотрел на него слишком долго.

Ещё несколько часов назад этот знак означал дом.

Теперь — мишень.

— Надо убрать герб, — сказала Варвара.

Она тоже смотрела на сокола. Лицо у неё было серое от копоти, волосы выбились из причёски, платье порвано у рукава, но в глазах уже работал холодный расчёт.

— Почему?

— Потому что если местные увидят родовой знак до нас, у нас появятся новые друзья. С ножами.

Казак сплюнул в пыль.

— Девушка права. На таких камнях за благородную эмаль сперва бьют, потом спрашивают, снимать ли сапоги.

Парамоша приземлился на край капсулы, слегка перекосившись. Левое крыло раскрылось не до конца.

— Предлагаю не портить фамильный герб. Он и так пережил тяжёлый день.

— Тогда как спрятать? — спросил Илья.

Парамоша посмотрел на дымящийся бок капсулы.

— Можно сказать, что это абстрактное изображение трагедии.

Варвара уже нашла кусок обгоревшей панели и начала соскребать эмаль. Казак помогал ножом. Илья хотел возразить, но слова застряли в горле. Он понимал: они правы.

Каждый скрежет по родовому знаку звучал как маленькое предательство.

Но знак исчезал — и вместе с ним исчезала первая явная причина убить их на месте.

Кадет Оболенский пришёл в себя, когда герб уже был почти стёрт. Он выбрался из капсулы, шатаясь, увидел Илью, Варвару, казака, потом ржавый склон, потом синий гигант в небе.

— Где мы?

— Если верить системе, дома, — сказал Илья.

Кадет моргнул.

— У вас странный дом.

— У меня с сегодняшнего дня вообще многое странное.

Варвара подняла взгляд от панели.

— Рудный-17. Старый промышленный спутник. Официально закрыт из-за аварии на эфирных шахтах. Неофициально — перевалочный пункт для контрабандистов, ссыльных и всех, кого лучше не искать.

Казак хмыкнул.

— Был здесь лет двадцать назад. Место гадкое, но честное.

— Честное? — переспросил Никита.

— Да. Здесь если хотят ограбить, то обычно сразу говорят.

Вдалеке, со стороны низины, донёсся протяжный металлический вой.

Все замерли.

Парамоша повернул голову.

— Звук двигателя. Наземная техника. Три, возможно четыре машины. Двигаются сюда.

Варвара резко обернулась к капсуле.

— Маяк?

— Аварийный маяк активировался при падении, — сказал Парамоша. — Я его отключил.

— Когда?

— После того как он тридцать семь секунд орал на всех доступных частотах.

Казак медленно посмотрел на сервитора.

— Птица, ты сейчас сказал, что нас уже слышали?

— Нет. Я сказал, что нас слышали с высокой вероятностью. Это научнее и неприятнее.

Никита побледнел.

— Это могут быть имперские?

— Имперские сюда так быстро не спустятся, — сказала Варвара. — Сначала сканирование, потом зонд, потом десант. Если они не уверены, что мы живы.

— А если уверены?

Казак поднял с земли обломок металлической трубы, взвесил в руке.

— Тогда мы умрём от более дорогого оружия.

Илья прислушался.

Вой приближался.

Пыль на склоне дрожала. Где-то за грядой камней мелькнул свет фары. Потом ещё один. И ещё.

Родовод снова дрогнул перед глазами.

Обнаружена угроза. Источник: неопознанные наземные единицы. Вероятность враждебности: 82%. Рекомендация: скрыться. Навык Слепая орбита доступен частично.

Илья сглотнул.

— Система предлагает скрыться.

— Блестящий план, — сказала Варвара. — Куда?

Вокруг были только камни, пыль, обломки и открытый склон. До ближайших шахтёрских конструкций — несколько сотен метров. До низины с огнями — больше часа пешком. До машин — минуты.

Парамоша щёлкнул клювом.

— Вариант первый: притвориться мёртвыми.

— Не поможет.

— Вариант второй: притвориться бедными.

Казак показал на обгоревшую капсулу.

— Это мы уже сделали.

— Вариант третий: использовать навык, который неизвестен, нестабилен и может убить владельца. Классика дворянского воспитания.

Илья посмотрел на приближающиеся фары.

Он ещё не понимал, как работает Слепая орбита. В прологе, на станции, навык просто вспыхнул вместе с болью и системными строками. Сейчас внутри него был только холод, усталость и обрывки чужой силы, как стекло под кожей.

Но выбора не было.

— Все ко мне, — сказал он.

Варвара нахмурилась.

— Что?

— Ближе. Сейчас.

Казак не стал спорить. Подхватил Никиту за воротник и буквально швырнул к Илье. Варвара подхватила дымящийся дрон, сунула его в сумку и тоже подошла. Парамоша сел Илье на плечо.

— Предупреждаю, — сказал сервитор, — если нас размажет по вероятностям, я буду недоволен.

— Записал.

Илья закрыл глаза.

Он попытался вспомнить ощущение в момент активации: золотые строки, ледяные нити, пустоту, которая не была пустотой. Перстень на пальце нагрелся. В груди что-то болезненно шевельнулось. Не сила — скорее рана, через которую сочился свет.

Навык: Слепая орбита. Радиус: нестабилен. Цель: скрыть носителя и ближайших союзников от наблюдения. Цена: нервная перегрузка. Подтвердить?

Илья усмехнулся.

— А отказаться можно?

Нет.

— Тогда зачем спрашиваешь?

Этикет протокола.

— Удивительно мерзкая система.

Парамоша наклонил голову.

— Кажется, вы нашли общий язык.

Илья сжал кулак.

— Подтверждаю.

Мир моргнул.

Не исчез — именно моргнул, как глаз.

Сначала погасли звуки. Вой двигателей стал глухим, будто его завернули в войлок. Потом посерел свет. Фары за грядой камней расплылись в мутные пятна. Пыль вокруг капсулы поднялась, закрутилась медленно, неправильно, против ветра.

Илья почувствовал, как боль снова пошла по венам. Но теперь не рвала — тянула. Вытгивала его наружу из собственного тела, размазывала по холодной тени между взглядами.

Он открыл глаза.

Капсула была на месте. Люди рядом — тоже. Но вокруг них появилась странная неподвижность. Камни казались чуть размытыми. Обломки — незначительными. Даже родовой знак на корпусе, стёртый наполовину, будто провалился в серый шум.

На склон выехали три машины.

Низкие, бронированные, на широких колёсах, с ржавыми листами брони и прожекторами. На бортах — грубо намалёванные медные стрелы. В кузовах сидели люди в шахтёрских панцирях, с винтовками и резаками. Лица закрыты масками от пыли.

Они остановились в двадцати шагах.

Один прыгнул на землю. Высокий, широкоплечий, с шипастым наплечником и старым армейским карабином. Он подошёл к капсуле так близко, что Илья видел трещины на его маске.

Человек посмотрел прямо на них.

И не увидел.

Илья перестал дышать.

Мужчина обошёл капсулу, ударил ногой по обшивке, заглянул в раскрытый люк. Потом поднял руку.

— Пустая! — крикнул он.

Голос дошёл до Ильи искажённым, как через воду.

Из второй машины ответили:

— Не может быть. Маяк отсюда орал.

— Значит, успели уйти.

— Куда?

— А мне откуда знать? В шахты, в провал, в пасть к чуме. Ищи следы!

Несколько бандитов рассыпались по склону. Один прошёл так близко к Варваре, что край его плаща задел её рукав. Девушка не шелохнулась. Только глаза у неё стали огромными.

Никита дрожал. Казак держал его за плечо так крепко, что, возможно, спасал не от страха, а от глупости. Парамоша на плече Ильи молчал — впервые без комментариев.

Илья чувствовал, как навык ест его силы.

Каждая секунда становилась тяжелее. В висках стучало. Носом пошла кровь. Перед глазами поплыли золотые пятна.

Перегрузка. Перегрузка. Перегрузка.

Один из мародёров присел у земли.

— Следы есть! Четверо. И что-то мелкое, железное.

Парамоша очень тихо прошептал:

— Оскорбительно точное описание.

Илья стиснул зубы.

Бандит поднялся.

— Они рядом.

Главарь повернулся.

— Тепловизор.

У одного из людей на плече щёлкнул прибор. Старая армейская линза выдвинулась вперёд, зажглась красным.

Родовод вспыхнул предупреждением:

Внимание. Скрытие от теплового сканирования неполное. Вероятность обнаружения: 61%.

Илья понял: ещё несколько секунд — и их увидят.

Нужно было что-то сделать.

Не ударить. Он не мог драться. Не убежать. Не успеют. Не спорить. Не объяснять.

Он посмотрел на капсулу.

На аварийный двигатель, ещё горячий после падения.

На треснувший боковой баллон.

На искрящийся кабель.

Варвара проследила его взгляд и едва заметно кивнула.

Илья не знал, поняла ли она его или просто решила, что у него предсмертное косоглазие.

Девушка медленно подняла руку. Один из её дронов, тот самый дымящийся, с трудом выполз из сумки. Он был почти мёртв, но браслет Варвары вспыхнул тусклым медным светом. Дрон пополз по камням к капсуле.

Слишком медленно.

Тепловизор уже поворачивался в их сторону.

Илья потянулся к навыку глубже.

Внутри что-то хрустнуло.

Мир снова моргнул.

На мгновение все фары погасли.

Не физически — для бандитов они, наверное, продолжали светить. Но в восприятии Родовода, в этой серой складке пространства, их свет провалился в тень.

Дрон добрался до кабеля.

Щёлкнул.

Искра прыгнула на аварийный баллон.

Взрыв был небольшим, но очень громким.

За долю секунды до удара Никита вдруг перестал дрожать. Его лицо осталось бледным, но тело сработало раньше страха: он резко пригнулся, развернул плечо к капсуле и потянул Варвару вниз, в ту сторону, куда ударная волна должна была пройти слабее.

Капсулу дёрнуло. Из бока ударил столб синего пламени. Мародёры бросились в стороны. Тот, что держал тепловизор, выронил прибор и покатился по склону, матерясь.

Илья успел заметить это краем глаза. Оболенский боялся — до синевы, до дрожи в руках. Но его всё-таки учили не умирать.

Навык сорвался.

Илья упал на колени.

Мир вернулся сразу: шум, пыль, крики, холодный ветер, привкус крови во рту.

— Бежим! — рявкнул казак.

Он подхватил Илью под руку так легко, будто тот ничего не весил. Варвара схватила Никиту за рукав. Парамоша взлетел, криво, с перекосом, но всё же взлетел.

Они бросились вниз по склону, не к огням поселения, а в сторону старых рельсов и тёмного провала шахтёрского тоннеля.

За спиной бандиты приходили в себя.

— Вон они!

— Стреляй!

Первый выстрел ударил в камень рядом с ногой Ильи. Осколки полоснули по сапогу. Второй прошёл выше, со звоном отскочил от ржавой балки. Третий сбил кусок старого кабеля, и тот с шипением рухнул в пыль.

— Парамоша, сколько до тоннеля? — выдохнул Илья.

Сервитор летел впереди неровно, будто каждый взмах крыла приходилось вспоминать заново. Его левый глаз мигнул. Потом ещё раз.

— Этикет протокола, — вдруг сказал он. — Вопрос задаётся даже при отсутствии выбора. Удивительно мерзкая система.

Илья споткнулся.

Это был ответ на разговор, который закончился минуту назад.

— Что?

— Запрос не найден, — сообщил Парамоша уже другим тоном. — Повторите унижение.

Казак резко дёрнул Илью за воротник, не давая упасть.

— Потом будешь с птицей философствовать! Ноги!

Казак тащил Илью вперёд.

— Ноги переставляй, княжич!

— Я стараюсь!

— Старайся быстрее!

— У меня нервная система повреждена!

— Сейчас тебе ещё и внешнюю повредят!

Они добежали до рельсов. Металл был старый, местами занесённый пылью. Рельсы уходили в тоннель, над входом в который висела покосившаяся табличка:

ШАХТА 12-Б. ДОСТУП ЗАПРЕЩЁН. ЭФИРНОЕ ЗАРАЖЕНИЕ.

Никита остановился.

— Там заражение!

Казак толкнул его в спину.

— А снаружи люди с винтовками. Выбирай болезнь с меньшей скорострельностью.

Варвара уже была у входа. Она провела браслетом по старому замку. Тот мигнул, кашлянул искрами и умер.

— Закрыто.

Парамоша врезался когтями в панель.

— Разрешите специалисту.

— Ты умеешь вскрывать шахтные ворота? — спросила Варвара.

— Я умею смотреть с презрением на технику, пока она сдаётся.

Замок щёлкнул.

Ворота сдвинулись на полметра, не больше.

Этого хватило.

Они протиснулись внутрь один за другим. Казак вошёл последним и изнутри вдавил аварийный рычаг. Ворота заскрежетали, закрываясь. В щель ударили два выстрела. Один прошёл край его рукава. Второй выбил искры из стены.

Потом темнота сомкнулась.

Несколько секунд все молчали.

Снаружи кричали бандиты. Кто-то бил по воротам. Потом звук стал глуше. Рудный-17 снова напомнил, что здесь даже опасность звучит так, будто проходит через слой пыли и старой смерти.

В тоннеле пахло сыростью, металлом и чем-то сладковато-горьким. Под этим держался ещё один запах — затхлая озонированная плесень старых регенераторов воздуха, которые давно выработали ресурс, но всё ещё упрямо делали вид, что спасают людям жизнь.

Варвара подняла браслет. Медный свет разлился по стенам.

Шахта уходила вниз.

По бокам тянулись кабели. На стенах виднелись старые метки: стрелки, номера участков, молитвы шахтёров, выцарапанные ножами. Некоторые знаки были перечёркнуты чёрной краской. На полу лежали куски руды — матовые, тёмные, с едва заметными синими прожилками.

Парамоша просканировал воздух.

— Радостная новость: концентрация эфирной заразы ниже смертельной.

Никита выдохнул.

— Слава Богу.

— Плохая новость: выше приятной.

Варвара села прямо на рельс, тяжело дыша.

Казак опустил Илью к стене. Тот сполз вниз, закрыв глаза. Тело трясло. На ладони осталась кровь из носа.

Навык Слепая орбита применён. Эффективность: 43%. Побочный эффект: нервная перегрузка.

[ОШИБКА БУФЕРИЗАЦИИ ПАМЯТИ]

Причина: повреждение нервной системы, неполное снятие печати, стрессовый разрыв родового канала.

Получен опыт: выживание при первом контакте. Репутация: неизвестные преследователи заинтересованы.

Илья открыл один глаз.

— Прекрасно. Я всегда мечтал заинтересовать мародёров.

Казак присел рядом.

— Неплохо держался.

— Я чуть не упал в обморок.

— Но не упал. В бою это уже почти талант.

Варвара посмотрела на Илью внимательнее.

— Что ты сделал там, у капсулы?

— Спрятал нас.

— От глаз?

— Кажется, от самой вероятности быть замеченными.

Она молчала несколько секунд.

— Это не обычный дворянский навык.

— Я сегодня узнал, что вообще не очень обычный дворянин.

Никита сел напротив, обхватив себя руками.

Он всё ещё выглядел затравленным. Но теперь в его взгляде было не только страх. Было понимание: вернуться назад просто так он уже не сможет. Даже если захочет.

— Они называли себя медными? — спросил он.

Казак кивнул.

— Медные стрелы. Местная шваль. Берут капсулы, караваны, одиночек. Если поймут, кто мы, продадут. Если не поймут — тоже продадут, но дешевле.

— Кому? — спросил Илья.

Варвара подняла голову.

— На Рудном-17 есть смотритель. Формально он отвечает за закрытые шахты. Фактически держит поселение, склады, воду и посадочные площадки. Если нам нужен корабль или связь, придётся идти к нему.

— А если не идти?

Казак показал на тоннель.

— Тогда жить здесь. С крысами, чумой и прекрасным видом на темноту.

Парамоша сел на плечо Илья, чуть покосившись.

— Вариант с крысами имеет плюсы. Крысы редко требуют документы.

Илья устало посмотрел на него.

Левый глаз сервитора всё ещё мерцал. После вырванного кристалла Парамоша говорил как прежде, шутил как прежде, но в паузах между словами иногда будто забывал, зачем начал фразу. Илья это заметил. И от этого стало почему-то больнее, чем от ушибов.

Он осторожно коснулся нагрудного кармана.

Кристалл был там.

Тёплый.

Часть карты.

Часть памяти.

К Белому Китежу.

Снаружи снова ударили по воротам. Потом раздался голос, усиленный динамиком:

— Эй, небесные! Выходите сами! Отдадите ценное — оставим сапоги!

Казак прислушался.

— Врут.

— Про ценное? — спросил Никита.

— Про сапоги.

Илья попытался подняться. Получилось не с первого раза. Варвара хотела помочь, но он качнул головой.

Ему нужно было встать самому.

Не красиво. Не уверенно. Просто встать.

Он опёрся о стену, чувствуя, как перстень тяжело пульсирует на пальце. Родовод молчал, но где-то внутри него уже не было прежней пустоты. Была боль. Страх. Злость. И тонкая, почти невозможная нить пути.

К тем, кого нет на картах.

Но сначала — через Рудный-17.

Через мародёров, шахты, смотрителя и мёртвый спутник, который система почему-то назвала домом.

Илья посмотрел на своих случайных спутников: беглую техно-боярыню, раненого казака, перепуганного кадета вражеского дома и повреждённого сервитора с непереносимым чувством юмора.

Не дружина.

Не команда.

Скорее набор причин, по которым нормальный человек лёг бы и ждал конца.

Он вытер кровь под носом рукавом.

— Нам нужно добраться до поселения.

Варвара подняла бровь.

— Через заражённую шахту?

— Есть другой путь?

Казак усмехнулся.

— Есть. Через людей, которые хотят снять с нас сапоги.

— Тогда через шахту.

Парамоша расправил крылья, одно ровно, второе с заметным скрипом.

— Великолепно. Первый приказ нового наследника: идти туда, где воздух официально считается плохой идеей.

Илья сделал шаг в темноту тоннеля.

— Привыкай.

Сзади снова ударили по воротам.

Впереди, глубоко под поверхностью Рудного-17, что-то ответило низким металлическим гулом.

Где-то далеко, ниже рельсов, по пустым выработкам прошёл ответный стук — один, второй, третий. Слишком ровный для обвала. Слишком тяжёлый для крысы.

Шахта просыпалась.

Глава 2 Девушка из дома Громовых

*Громовы не чинят сломанное.
Они убеждают механизм, что тот поторопился умирать.
Артельная поговорка*

Шахта 12-Б не была тёмной.

Это было хуже.

Темнота честно скрывала бы всё лишнее. А здесь старые аварийные лампы ещё работали — не все, не ровно, не по-человечески. Они вспыхивали вдоль тоннеля редкими мутными пятнами, выхватывая из мрака то ржавую балку, то мокрый след на стене, то старую каску, вросшую в пыль. Свет был грязно-зелёным, больничным, и от него лица казались не живыми, а уже найденными.

Рельсы уходили вниз.

Илья шёл первым только потому, что сам так сказал. На деле его вело скорее упрямство, чем силы. После применения Слепой орбиты тело стало чужим: ноги подчинялись с задержкой, в висках стучало, а пальцы то немели, то горели. Перстень на руке пульсировал глухо и тяжело, словно в нём билось второе сердце.

Позади, чуть сбоку, шёл казак. Он держал обломок трубы как дубинку и время от времени прислушивался к воротам за спиной. Там, снаружи, ещё слышались удары Медных стрелцов. Но с каждым шагом звук становился глуше.

Варвара двигалась у стены. Медный браслет на её запястье светился ровным тёплым кругом, освещая кабели, трещины и старые метки. Второй рукой она поддерживала сумку с повреждёнными дронами. Лицо у неё было бледное от усталости, но взгляд работал — цеплялся за каждый провод, за каждую панель, за каждый знак.

Никита Оболенский шёл последним из людей.

Он старался держаться прямо. Получалось плохо. После падения капсулы и короткой погони кадет выглядел так, будто его достоинство шло отдельно, хромало и просило воды.

Парамоша летел впереди.

Вернее, пытался лететь. Получалось неровно: одно крыло работало нормально, второе скрипело, а левый глаз сервитора мерцал с перебоями. Иногда он слишком резко уходил в сторону, задевал когтями стену, негромко ругался на старом машинном наречии и возвращался на курс с видом существа, которое не ошиблось, а провело сложный манёвр.

— Радостная новость, — сказал он, просканировав воздух. — Мы всё ещё не умерли.

— Это уже была радостная новость, — заметил Илья.

— Тогда уточняю: мы всё ещё не умерли повторно.

Казак хмыкнул.

— Птица, ты лучше скажи, чем здесь дышать.

— Ностальгией, ржавчиной и сожалением.

— А если серьёзно?

Парамоша помолчал. Левый глаз мигнул.

— Воздух пригоден условно. Регенераторы работают на последних циклах. Присутствуют следы эфирной пыли, плесневых спор, тяжёлых металлов и... Он замер на секунду. — ...и сожаления.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.